

Исследование показало, что подавляющее число обследованных студентов осознанно выбрали будущую специальность, верят в ее перспективность и намерены по ней работать после окончания вуза. Этот мощный потенциал государство должно использовать, создавая рабочие места с современными условиями труда и достойным уровнем заработной платы в отраслях промышленности, для которых готовятся специалисты с высшим профессиональным образованием в области техники и технологии.

Список литературы

Российский вуз глазами студентов / И.М. Ильинский, Вал.А. Луков. – М., 2008.

Социология молодежи ; под ред. В.Т. Лисовского. – СПб., 1996.

Чердниченко, Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути: опыт социологического исследования. – СПб., 2004.

Щереги, Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. – М., 2001.

Эфендиев, А.Г., Иванова, М.А. Московский студент-2000. – М., 2001.

© Сухорукова С.В., 2009

Н.В. Асонов

РАЗВИТИЕ ИДЕИ САМОДЕРЖАВИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

АСОНОВ Николай Васильевич – докторант кафедры политологии и политического управления РАГС (e-mail отсутствует).

***Аннотация.** В статье дается анализ двух основных направлений политической мысли русского зарубежья, связанных с идеей возрождения самодержавия: «левых» монархистов, политическая идеология которых стала продолжением российского «западничества», и политической идеологии «правых» монархистов, основой которой стало учение славянофилов.*

***Ключевые слова:** самодержавие, русское зарубежье, доктрина, правовое самодержавие, самодержавная соборность, западники, славянофилы.*

Гибель в 1917–1918 гг. Российской, Германской и Австро-Венгерской империй открыла начало Новейшей истории, в ходе которой резко изме-

нился процесс общечеловеческой цивилизации, что частично повлияло на последний всплеск общественного внимания к самодержавию. Именно в это время тяжелый системный кризис, вызванный переходом данных государств на путь демократического строительства, стал увязываться с несовершенством республиканской формы правления, которая, как полагали ее противники, не могла обеспечить защиту граждан от произвола и сохранить социально-политическое единство страны.

После февральской революции в России, когда монархисты подверглись гонениям со стороны Временного правительства, на защиту самодержавия встали многие деятели Русской православной церкви. Не приняв путь демократического обновления, они решили созвать Поместный Собор и снова избрать патриарха. В условиях диктатуры либеральной власти возрождение патриаршества должно было сыграть ту же роль, которую оно играло на территории православной Византии, завоеванной турками. Как известно, из двух ветвей власти, некогда возглавлявших православную политическую систему византийского общества, в пределах Турции осталась только одна – духовная, представленная Константинопольским патриархом. Правительство Турции считало его «милет-башой» (главой стада) православных христиан. Ему как главе духовной власти султан передал функции гражданского управления «стадом». Таким образом, для греков вселенский патриарх стал видимым воплощением не только духовной, но и светской власти, т. е. государем. В нем они видели слабую, но единственную высшую защиту от произвола чуждой власти и гарант своего духовного единства. С именем патриарха связывались мечты о будущем возрождении православной монархической государственности.

Можно полагать, что именно этот опыт социально-политической организации православных граждан бывшей Византии, ставившей во главе национальной вертикали власти главу Церкви, повлиял на созыв в августе 1917 г. после двухсотлетнего перерыва Поместного Собора в России. На нем внимание противников единовластия, считающих, что «соборность не уживается с единовластием», было обращено на 34-е апостольское правило и на 9-е правило Антиохийского Собора православных церквей, требующих, чтобы в каждом народе был первый епископ, без «рассуждения» которого другие епископы ничего не могут творить, как и он без одобрения всех.

Было отмечено также, что именно с упразднением патриаршества у нас перестали созываться Поместные Соборы.

Кроме того, фигура патриарха в условиях гонений приобретала функцию самодержавного вождя нации и Церкви, консолидирующего силы общества против сил зла, захвативших политическую власть в России. Именно тогда архимандрит Илларион (Троицкий) отметил, что Москву называют сердцем России. «Но где же в Москве бьется русское сердце? На бирже? В торговых рядах?.. Оно бьется, конечно, в Кремле... в Успенском соборе.

Святотатственная рука нечестивого Петра свела первосвященника Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Церкви Российской от Бога данной ему властью поставит снова Московского патриарха на его законное... место».

Говоря о начавшейся «брани» с врагами России и ее самобытном пути, делегаты Собора подчеркивали: «когда объявлена война, одной мобилизации недостаточно: нужен еще вождь... Это – Патриарх... Нужна единоличная сильная духовная власть в сочетании с Собором, чтобы охранять святыню»¹. 28 октября 1917 г., на третий день после прихода большевиков к власти, Поместный Собор объявил о восстановлении патриаршества в России. Признание Поместным Собором истинной только той власти, которая является «единоличной» и действует «в сочетании с Собором», следует рассматривать решающей причиной возрождения теоретического интереса к самодержавию не только в духовных, но и в светских кругах.

После поражения в гражданской войне сторонники самодержавия, попав в эмиграцию, не смогли создать единую политическую организацию и выработать единое политическое учение. Это объяснялось тем, что самодержавие, существовавшее в России с конца XV по начало XX в., получило разное доктринальное оформление, начиная от самодержавной соборности и кончая думской монархией. В основе разнообразных мировоззренческих концепций, принятых в монархических кругах эмигрантов, лежала степень их близости к церковно-православному взгляду на государство и власть. Это отношение к догматическим требованиям Церкви постепенно привело к образованию двух крупных течений в монархизме, сложившихся за рубежом в 20-е гг. XX в., – «левому» и «правому». «Левые» во главе с И.А. Ильиным представляли либерально-консервативный, непредрежденческий толк. «Правые» дали начало народно-монархическому крылу. Важная роль в нем стала принадлежать «движению штабс-капитанов», созданному братьями И.Л. и Б.Л. Солоневичами.

Центральным элементом политического учения «левых» монархистов стало сочетание классически-консервативного и либерального понимания государства и власти, в основе которого находились идеи Просвещения. Обращаясь к теории естественного права, «левые» важнейшим и неотъемлемым правом гражданина считали возможность вести одухотворенную жизнь, «вести ее самостоятельно и свободно»². Поэтому для них идея самодержавной власти государя и правосознание общества выступали как показатель некой идеальной политико-правовой гармонии, которая должна царить в стране. Благодаря этому самодержавная власть играла роль независимой от чужой воли политической силы, но остающейся при этом

¹ Церковные ведомости. – 1917. – № 42. – С. 304–305, 341.

² Ильин, И.А. О сущности правосознания / Собр. соч. : в 10 т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 196.

правовой и законной, наделенной духовным, а не формальным внешним началом. Правильно организованное самодержавное устройство страны должно обеспечивать аристократическую природу политической власти, но в то же время соизмерять размеры самоуправления народа со зрелостью и прочностью его государственной воли. Подобная гармония для И.А. Ильина была несовместима с доктриной самодержавного абсолютизма, при котором монарх стоял выше закона и общества.

Веря в неизбежное крушение коммунистического режима, И.А. Ильин считал, что установление той или иной формы правления целиком будет зависеть как от исторических условий, в которые попадет Россия, так и от уровня правосознания ее граждан. Таким образом, он допускал приход к власти не только монархистов, но и республиканцев, что составляло характерную черту непредрешенчества «левых».

Учитывая, что России постоянно угрожает не только внутренний враг в лице противников самодержавия, но и внешний, стремящийся с помощью «мировой закулисы» ее ослабить и расчленить, «левые» монархисты в переходный период считали полезным для страны установление диктатуры. Она должна носить авторитарный характер, но не скатываться к тоталитаризму.

При этом, отстаивая принцип цивилизационного своеобразия России, они не считали «русский дух выше всех остальных национальных духов» и не верили в то, что Россия призвана духовно и религиозно спасти другие народы, как о том мечтали «почвенники» во главе с Ф.М. Достоевским.

«Левые» монархисты вслед за «западниками» отодвинули на второй план духовную власть. Вместе с ней туда переместилось церковное право, шедшее вразрез с теорией естественного права. Этим объясняется то негативное отношение, которое испытывал И.А. Ильин и его единомышленники к «правым» монархистам, считавшим себя наследниками «черной сотни». Причем к «черносотенцам» отношение «левых» монархистов было даже хуже, чем, например, к фашистам или анархистам¹. По мнению «левых», чтобы возродить Россию, необходимо очистить души – во-первых, от революционности, а во-вторых, от черносотенства. По данному поводу в 1926 г. Ильин опубликовал статью с характерным названием: «Черносотенство – проклятие и гибель России». Тем самым «проклятием и гибелью России» наряду с лидерами крайне правых стали их духовные вожди: св. Иоанн Кронштадский и св. патриарх Тихон. Как справедливо заметил В.М. Остецов в работе «Масонство, культура и русская история», почему-то для И.А. Ильина «реальные творцы революции» не стали «гибелью России», а те, кто защищали самодержавие от них, стали его «могильщиками».

¹ См.: *Ильин, И. А.* Предпосылки анархизма; Письма о фашизме; Национал-социализм / И.А. Ильин. Собр. соч. : Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). – М., 2001.

Факты, сближающие разработчиков доктрины правового самодержавия с «октябристами» и «кадетами», не позволяют смотреть на И.А. Ильина как на «крайне правого монархиста». Сомнительной является оценка «левых» монархистов и как последователей государственно-охранительного направления русского дореволюционного консерватизма¹. Их скорее следует считать представителями именно неомонархического консервативно-либерального направления русской политической мысли, сложившейся в 20-е гг. XX в. и эволюционирующей в сторону идеологии парламентской монархии.

Однако если для «левых» неомонархистов нормативная подсистема выступала более важной частью политической системы общества, нежели духовная власть, то «правые» так не считали. Критикуя политическое учение «левых», лидеры «правых» приводили точку зрения французского мыслителя Вовенара: тот, кто боится людей, любит законы.

Для И.Л. Солоневича и его сторонников прежде всего было характерно национально-историческое обоснование самодержавия. Согласно мнению «правых», русская политическая мысль может быть русской политической мыслью только тогда, когда она исходит из национальных исторических предпосылок. Понять их и правильно осмыслить может только человек, сросшийся с самобытной культурой своей страны. «Правые» полагали, что «всякая разумная программа, предлагаемая данному народу, должна иметь в виду данный народ, а не абстрактного homo sapiens, наделяемого теми свойствами, которыми угодно будет наделить его авторам данной программы»².

Защищая самодержавие, И.Л. Солоневич всемерно отстаивал положение о глубоком своеобразии России: «никакие политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут»³, что отрицало теорию византизма, рассматривающую Россию как политическое продолжение Византии. Вместе с ее влиянием он отвергал любое другое широкое влияние на Россию, будь то западное или восточное, способное кардинально изменить ее духовную и политическую культуру⁴.

С точки зрения «правых», самобытность России уже на ранней стадии ее развития была обусловлена тремя последовательными и последовательно-консервативными факторами русской жизни – монархией, Церковью и народом. Они обеспечивали необходимую устойчивость всей национальной жизни. Отдавая предпочтение монархии перед верой, И.Л. Солоневич вместе с «правыми» полагал, что именно самодержавная власть способна «в наших русских условиях сдерживать» разрушительные силы, в пер-

¹ См.: Гусев, В.А. Консервативная русская политическая мысль. – Тверь, 1997. – С. 125.

² Солоневич, И.Л. Народная монархия. – Минск, 1998. – С. 12.

³ Там же. – С. 20.

⁴ См. там же. – С. 15, 83.

вую очередь интеллигенцию, напичканную западной системой ценностей и мечтающую ради построения «нового мира» разрушить неповторимый социально-политический мир России.

Особенностью российского самодержавия «правые» считали его умение соединять в одном политическом организме разные социально-экономические модели. Разрушение сложившегося равновесия сил было нарушено тогда, когда, по И.Л. Солоневичу, «в триаду Монархии, Церкви и Народа... затесалась русская интеллигенция, самый неустойчивый и самый непоследовательный социальный слой, какой только существовал в мировой истории...

...Интеллигенция «определяет “самодержавие” или как “абсолютизм”, или как “тиранию”. По существу же, “самодержавие” не может быть определено терминологически. Оно должно быть описано исторически: русское самодержавие... “диктатура совести”... в данном случае православной совести». Православное самодержавие никогда не вставало на сторону какого-либо одного конкретного сословия, а старалось заботиться о всех социальных группах...

Эту особенность Солоневич объясняет тем, что «...политической организацией народа, на его низах, было самоуправление, как политической же организацией народа в его целом было самодержавие». Такое слияние «самодержавия и самоуправления», считал И.Л. Солоневич, выгодно отличает самодержавие от абсолютизма¹.

Выступая за соединение самодержавной и соборной управленческих моделей, «правые» поддерживали критику преобразований Петра I, начатую славянофилами, выступали против той апологетики Петра I, которая была свойственна К.Н. Леонтьеву и «левым» неомонархистам. По их мнению, именно Петр I стал разрушать все три компонента теории «официальной народности», которые сложились в Московской Руси: с Петра начинается история... планомерной подготовки разрушения Православного Русского Царства... Эта программа сводилась к следующему:

взгляд на православие и борьба с ним как с силой реакционной и враждебной прогрессу;

поход против самодержавия за его ограничение или свержение;

любовь не к Отечеству, а к человечеству и стремление стать гражданами Вселенной².

«Февральский бунт» лишь завершил разрушение в России. В итоге «лик Русской Правды был заменен лозунгом чужим и дальним: “Свобода, Равенство и Братство”»³.

¹ См.: Солоневич, И.Л. Народная монархия. – С. 18, 54, 84.

² См.: Иванов, В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. – М., 1998. – С. 139.

³ См. там же. – С. 23, 47, 50.

Критикуя К.П. Победоносцева за увлечение доктриной абсолютизма, «правые» считали, что преобразования Петра I разрушили важные соборные принципы православной государственности. Например, митрополит Антоний стоял за восстановление управленческих начал, принятых V Вселенским Собором. «Симфония двух властей» для него была основой возрождения российской государственности. Поэтому, поддерживая идею патриаршества, он защищал идею соединения самодержавной и соборной власти как угодной Богу. Соответственно борьба с Советской властью воспринималась «правыми» как брань «против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы»¹.

В отличие от «левых» монархистов «правые» не были склонны к неопределенности. Вслед за В.М. Пуришкевичем они считали: «Жизнь всегда пряма как призма. Она свершит обычный круг, и доведет... до монархизма»². Гарантией восстановления самодержавной власти они считали возврат к «духовным источникам всего русского творчества – и религиозного, и социального, и политического»³.

Таким образом, можно сделать вывод, что «левое» крыло монархистов оказалось идейно близким к либеральной модели управления. Оно не только признавало верховенство закона, но и подчиняло власть монарха принципам парламентаризма и конституционализма. На этом основании политическое учение «левых» следует трактовать как политическую доктрину *правового самодержавия*, ставшую логическим продолжением российского «западничества», тогда как «правые» монархисты, полагая, что закон становится диктатором там, где ослабевают морально-религиозные нормы, а люди перестают быть единым целым (собором-общиной), встали на защиту политической доктрины *самодержавной соборности*, окончательно сформулированной при Иване Грозном и получившей XIX в. широкую поддержку славянофилов.

Ко второй половине XX в., когда первая волна русской эмиграции (в отличие от последующих волн, далеко не всегда русских и практически не связанных с православием и его пониманием государственной власти) сошла с политической арены, угас интерес русского зарубежья к теоретическому анализу самодержавия. Как писал в 1950 г. И.Л. Солоневич, что такое самодержавие, «новая эмиграция» уже не имела никакого представления и отождествляла его то ли с чухновским монархизмом, то ли с европейским абсолютизмом. В результате чего в области идейно-политического творчества во второй половине XX в. не было создано ни одной новой оригинальной доктрины самодержавия.

¹ См.: *Митрополит Антоний (Храповицкий)*. Письма. – Jordanville, 1988. – С. 262.

² *Пуришкевич, В.М.* Кто виноват – так думал я... / В.М. Пуришкевич. Дневник «Как я убил Распутина». – М., 1990. – С. 123.

³ *Солоневич, И.Л.* Белая Империя. – М., 1997. – С. 66.

Список литературы

Гусев, В.А. Консервативная русская политическая мысль. – Тверь, 1997.

Иванов, В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. – М., 1998;

Ильин, И.А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). – М., 2001.

Митрополит Антоний (Храповицкий). Письма. – Jordanville, 1988.

Солоневич, И.Л. Белая Империя. – М., 1997.

Солоневич, И.Л. Народная монархия. – Минск, 1998.

© Асонов Н.В., 2009

А.И. Куприяненко

ИННОВАЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК РЕСУРС СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

КУПРИЯНЕНКО Александр Ильич – начальник учебно-методического управления ГОУ ВПО МГТУ «Станкин» (e-mail: ak.umu@stankin.ru)

***Аннотация.** Среди важнейших проблем XXI в. в сфере профессионального образования закономерно доминирующее место заняла проблема инновационного образования при переходе к информационному обществу, рассматривая его как следствие глобализации, ведущей к трансформации образа жизни людей.*

В статье исследуется сущность инновационных качественных изменений в сфере реального профессионального образования, рассмотрено понятие образования под новым углом зрения – соединения теоретических и практических сторон образования.

***Ключевые слова:** образование, инновации, социальный ресурс, интеграция, глобализация.*

В последние годы в отечественной литературе весьма активно обсуждаются вопросы модернизации российского образования. Как известно, направлениями реформирования российского образования являются: обеспечение качества образования и повышение квалификации преподавателей в вузах, взаимодействие и сотрудничество вуза и общества, интегра-